

Дед Мороз

Перед самым Новым годом мне, как обычно, пришлось надолго облачиться в костюм Деда Мороза. Надвигалась череда ёлок и утренников. Разучили мы с коллегой-Снегурочкой несколько песенок, прихватили пару затейливых игр и отправились в гости к ребятам.

В одном из детских садиков выло очень весело. Нарядные дети радостно бегали и прыгали вокруг роскошной ёлки. Кого только не было – зайчики, снежинки, принцессы, медвежата. Даже щелкунчик был. Так вот, когда мы водили хоровод и дружно распевали «В лесу родилась ёлочка», этот озорник-щелкунчик подкрался ко мне и – цап за бороду, будто котенок.

Конечно, пышная белая борода у меня слетела, обнажив чисто выбритый подбородок.

– Я так и знал, что ты не настоящий, – сузил глаза щелкунчик.

Надо было как-то выкручиваться – дети опешили, стали оглядываться в недоумении.

– Очень даже настоящий, – говорю. – Просто долго к вам ехал, по холодным полям, через высокие горы и Северный полюс, в пургу и снежный вихрь, вот борода и отмерзла.

– А вот и нет, врешь. Я тебя знаю. Тебя Максимом Алексеевичем зовут, ты в театре городском играешь.

– Да ты что! Он из Великого Устюга к тебе скакал на лошадках. Подарков тебе кучу привез, какой же он Максим Алексеевич? – пришла на помощь Снегурочка. – И никто вокруг не усомнился, что перед ними Дед Мороз. Вот мы же верим, что ты настоящий Щелкунчик!

– Да никакой я не Щелкунчик. Этот костюм мне мама сшила. И подарка мне твоего не надо, – махнул рукой парнишка и снял маску. – Вот если исполнишь мое желание, тогда поверю в тебя.

– Да легко! Загадывай, – а сам думаю: «Выноси, нелёгкая!»

– Сделай так, чтобы мой папка ожил? А то мама все время ревет.

– Как ожил? – от неожиданного вопроса я машинально еще и шапку с головы стянул, совсем размаскировался.

– Его в прошлом году нацисты на войне убили. А я загадывал тебе желание, чтоб он живой пришел. А ты забыл или не смог. Так хоть теперь исправься! – Парнишка с последней надеждой глядел на меня, ждал. Детская вера в чудо, в Деда Мороза и Снегурочку – просто так, на раз-два, она не проходит. Но взгляд был взрослым, понимающим, что чуда, скорее всего, не случится.

Беспользньй посох, мешок с подарками стали невесомыми, ноги и руки ватными. Что тут скажешь? Чем утешить? Я сидел на корточках – ненастоящий уже для всех Дед Мороз, приобнял и гладил парня по взъерошенной голове. Никакой даже самый ценный подарок не заменит ему папку.

И дети это почувствовали, поняли. Им было жалко и товарища, и его папку, и даже меня, непутевого. И вдруг самый маленький подошел к щелкунчику и протянул ему свой подарок. Прости, говорит, я только одну мандаринку съел.

Щелкунчик был старше. Он сдержал слезы, улыбнулся, поднял мою бороду, неумело нацепил мне на подбородок, нахлобучил сверху шапку.

– Прости, Дед Мороз. Конечно, ты настоящий. – Сказал он и уже на ухо мне шепнул: – Только пусть хоть у них будет праздник. И пусть их папки будут живы.

Тут вовремя заиграла новогодняя музыка, дети засмеялись и захлопали в ладоши, но я все равно отчетливо услышал частые всхлипы. Это за елкой плакала Снегурочка.

Максим Шардаков
Январь 2026